

ТОЧКА ОБЗОРА

*Горизонт событий –
точка невозврата.
Все, что пересекает его,
исчезает для внешнего
наблюдателя навсегда.*

РИК ЭТЕР

Рик Этер
Точка обзора

«Автор»

2026

Этер Р.

Точка обзора / Р. Этер — «Автор», 2026

Алексей — обычный мальчик из деревни. Он задаёт слишком много вопросов и не хочет жить по чужим правилам. В старой библиотеке он находит книгу без обложки, и с этого момента его жизнь перестаёт быть обычной. Почему время течёт только вперёд? Куда уходят люди после смерти? Что находится за горизонтом чёрной дыры — и за горизонтом обыденности? Эти вопросы ведут Алексея через годы: деревня и город, учёба и десятки работ, болезнь и выздоровление, любовь и потери. Он видит, как система перекладывает плитку каждый год, имитируя работу. Видит, как люди тратят триллионы на войны вместо того, чтобы колонизировать планеты. Но продолжает искать. Сны, в которых тьма говорит с ним. Книга, автор которой скрыт за инициалами. Группа единомышленников. И главное — вера в то, что реальность устроена иначе. «Точка обзора» — философская фантастика о времени, свете и информации, которая не умирает. О том, что смерть — это пробуждение. Что ждёт нас за горизонтом? Ответ — в этой книге.

© Этер Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Сон нейросети	17
Часть 1. Возраст перемен	18
Часть 2. Настя	20
Часть 3. Драка	23
Часть 4. Сны	25
Часть 5. Книга и ответ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рик Этер

Точка обзора

Глава 1. Горизонт обыденности

Алексей проснулся от холода.

Окно в его комнате было старым, деревянным, с щелями, которые мать каждую осень затыкала ватой. Но вата вывалилась, и теперь ноябрьский воздух сочился внутрь тонкими ледяными струйками. Лёша открыл глаза и увидел над собой белый потолок с жёлтыми разводами от протекшей крыши. Он лежал, натянув одеяло до подбородка, и смотрел, как пар от его дыхания поднимается к потолку и тает.

За стеной уже гремели вёдра. Сёстры встали раньше.

Их было двое — Оля и Катя, погодки, семнадцать и восемнадцать лет. Они были высокими, громкими, уверенными в себе. Когда они смеялись, в доме дрожали стёкла. Когда ссорились — дрожали стены. Лёша никогда не мог понять, любят они друг друга или ненавидят. Наверное, и то и другое одновременно. Так бывает у людей, которые живут слишком тесно.

Оля уже кричала из кухни что-то про молоко, которое убежало, и про Лёшку, который опять проспал. Катя вторила ей, но слов было не разобрать из-за шума воды. Мать молчала — она всегда молчала по утрам, экономя силы на день.

Лёша сел на кровати. Холодный пол обжёг босые ступни. Он быстро нашёл носки — дырявые, но тёплые — и натянул свитер, который был ему велик. Свитер раньше принадлежал деду. Дед умер год назад, но вещи его ещё жили в доме. Мать не могла их выбросить. Или не хотела.

Завтракали молча. Каша с маслом, хлеб, чай. Отец уже ушёл на ферму — он всегда уходил затемно, чтобы не видеть, как просыпаются дети. Не потому что не любил, а потому что не знал, что с ними делать. С девочками ещё говорил — они были старшие, с ними можно было обсудить цены на сено или ремонт крыши. А Лёша... Лёша был другой.

Отец не понимал его. Маленький, худой, с голубыми глазами, которые смотрели слишком внимательно и слишком долго. Отец говорил: «Хватит пялиться, как сыч». Лёша отводил взгляд, но через минуту снова смотрел. Не из упрямства, а из интереса. Ему всё было интересно: как отец держит вилы, как мать месит тесто, как сёстры заплетают друг другу косы. Он не просто смотрел — он изучал.

В школе его не любили за это. Вернее, не то чтобы не любили — не замечали. Он сидел на последней парте, рисовал в тетради круги и линии, которые напоминали орбиты планет, и почти не отвечал на вопросы учителей. Учился он средне. Не потому что глупый, а потому что ему было скучно. Задачи по математике казались плоскими, как доска, на которой их писали. История — набором дат, за которыми не было жизни. Литература — чужими переживаниями, которые почему-то нужно было заучивать наизусть.

А настоящая жизнь была в книгах. В тех, что он брал в деревенской библиотеке — старом доме с облупленной краской и запахом сырой бумаги. Там пахло временем. И временем этим пахли страницы.

Библиотека находилась на другом конце деревни, за мостом через речку, которая к ноябрю уже замёрзла. Лёша ходил туда пешком, в любую погоду. Дорога занимала полчаса, и

это были его лучшие полчаса. Никто не трогал, никто не кричал, никто не требовал помочь по хозяйству. Он шёл и думал.

Думал он о многом. О том, почему небо синее, а трава зелёная. О том, почему люди умирают. О том, куда уходят коровы, когда их увозят на скотобойню. О том, есть ли жизнь на других планетах. О том, видит ли его кто-то сверху.

Последнее было самым странным. Иногда Лёше казалось, что он — не совсем он. Что он — кто-то другой, кто временно находится внутри этого худого мальчика с голубыми глазами. Это чувство приходило редко, но метко. Как будто он забыл что-то важное и никак не может вспомнить.

В библиотеке было пусто. Библиотекарша, тётя Вера, дремала за столом, положив голову на стопку формуляров. Она была старой, как само здание, и, казалось, состояла из той же пыли, что и книги. Лёша тихо прошёл мимо неё к дальнему стеллажу.

Там стояли книги по астрономии. Старые, советские, с чёрно-белыми иллюстрациями. Одну из них Лёша уже читал — про планеты и спутники. Но сегодня он заметил другую. Она лежала на боку, без обложки, страницы пожелтели и склеились по краям. Он осторожно открыл её.

«...чёрная дыра — это область пространства, в которой гравитация настолько сильна, что даже свет не может её покинуть. Горизонт событий — это точка невозврата. Всё, что пересекает его, исчезает для внешнего наблюдателя навсегда».

Лёша перечитал эти строки трижды. Свет не может выйти. Свет — самое быстрое, что есть во Вселенной — и он не может вырваться. Что же там, внутри? Что происходит с тем, что упало? Если свет не возвращается, то и информация не возвращается. Или возвращается, но по-другому?

Он не знал, что через много лет эти же вопросы станут его судьбой. Что он будет стоять перед горизонтом событий не как читатель, а как путник. Что смерть, которую он боялся, окажется именно таким горизонтом. Что ответ будет ждать его по ту сторону.

Но пока ему было одиннадцать. Он стоял в пыльной библиотеке и чувствовал, как внутри закипает странное волнение. Не страх, не радость, а что-то третье. Как будто он только что нашёл дверь, о которой никто не знает.

Дома его ждал отец.

Отец сидел на крыльце и курил. Он был трезвый — это Лёша определил сразу, по прямой спине и ясному взгляду. В трезвости отец был молчалив и хмур. В пьяном состоянии — громок и зол. Что хуже, Лёша не знал.

— Где шлялся? — спросил отец, не глядя на него.

— В библиотеке.

— Библиотека... Тоже мне, академик. Иди лучше матери помоги. Коровы недоены.

Лёша кивнул и пошёл в хлев. Спорить с отцом было бесполезно. Да он и не хотел спорить. Он боялся.

Страх драк жил в нём с раннего детства. Он не помнил, когда начал бояться. Может, когда отец впервые ударил мать — не сильно, но достаточно, чтобы Лёша запомнил звук пощёчины на всю жизнь. Может, когда соседские мальчишки избили его за то, что он отказался стрелять из рогатки по кошке. Может, когда он увидел, как мужики у магазина били друг друга просто так, по пьяни, и никто их не останавливал.

Он не понимал драк. Зачем бить, если можно сказать? Зачем причинять боль, если можно отойти? Он пробовал объяснить это отцу однажды. Отец долго смотрел на него, а потом сказал: «Ты не мужик».

«Не мужик».

Это слово застряло в Лёше как заноза. Он не хотел быть мужиком в отцовском понимании. Он не хотел бить, ломать, доказывать силу. Но он не знал, как быть по-другому. Никто не учил его этому.

Вечером он пошёл к деду.

Дед лежал на кладбище за околицей. Лёша ходил к нему раз в неделю, по воскресеньям, когда не нужно было в школу. Могила была простой — деревянный крест, фотография под стеклом, венок из искусственных цветов. Дед на фото был молодым, хотя умер старым. Так всегда бывает на могилах.

Лёша садился на скамейку рядом и разговаривал. Не вслух — про себя. Он рассказывал деду про книги, про коров, про сестёр, про отца. Про чёрные дыры он тоже рассказал. Дед не отвечал.

Но однажды ответ пришёл.

Это случилось через несколько месяцев после смерти деда. Лёша лежал в кровати и думал о нём. Вспоминал его руки — большие, тёплые, с синими жилами. Вспоминал, как дед учил его косить траву. Вспоминал, как дед говорил: «Смерти нет, Лёшка. Есть только переход».

Тогда Лёша не понял. А теперь вдруг понял — не умом, а чем-то другим. Чем-то, что было глубже ума.

Смерти нет. Есть только переход.

Куда?

За горизонт.

Ночью он вышел на крыльцо.

Темнота обступила его со всех сторон. Он боялся темноты с детства — боялся не самой темноты, а того, что в ней может прятаться. Чудовищ, призраков, чужих людей. Но сегодня он вышел не для того, чтобы бояться. Он вышел, чтобы посмотреть на звёзды.

Над деревней висел Млечный Путь — огромный, серебряный, как река, которая течёт не по земле, а по небу. Лёша запрокинул голову и замер. Он думал о чёрных дырах. О том, что где-то там, в центре этой серебряной реки, прячется нечто, что сильнее света. Нечто, что затягивает в себя всё — материю, время, даже саму реальность.

Может, смерть — это тоже чёрная дыра? Может, дед сейчас там? Может, он не исчез, а просто перешёл в другое место, откуда нельзя подать сигнал?

Лёша стоял и смотрел. И вдруг почувствовал странное спокойствие. Как будто кто-то положил руку ему на плечо. Он обернулся — никого.

Но чувство осталось.

В ту ночь ему приснился сон.

Он стоял на краю огромной воронки. Воронка была сделана не из земли, а из света. Свет стекал в неё, как вода в слив. Лёша смотрел и знал: там, внутри, нет времени. Там всё происходит одновременно — рождение, жизнь, смерть, снова рождение. Там информация не исчезает, а записывается в какую-то невидимую книгу.

И он вдруг понял: это не сон. Это воспоминание.

Он уже был там. До рождения. До деревни. До того, как стал Лёшей.
Он был там. И он вернётся.

Проснувшись, он не помнил деталей. Только чувство — сильное, как удар колокола. Он сел на кровати и прижал руку к груди.

Сердце билось ровно.

За окном светало.

Где-то далеко, за горизонтом, ждал ответ.

Часть 2

Утро на ферме начиналось затемно.

Лёша вышел из дома, когда небо только-только начало сереть. Воздух был колючим, пахло навозом и прелой соломой. Сапоги скользили по замёрзшей грязи. Он шёл к коровнику, сжимая в руке фонарик, который то и дело мигал — батарейки садились, а новые мать покупала редко.

В коровнике уже горел тусклый свет. Коровы стояли в стойлах, тяжёлые, тёплые, дышащие паром. Их глаза в полумраке казались бездонными. Лёша любил эти глаза. В них не было злобы, не было хитрости — только терпение и какая-то древняя печаль.

Сегодня должен был родиться телёнок.

Мать сказала об этом за завтраком — буднично, как о погоде. Но для Лёши это было событием. Он видел, как рождаются телята, и каждый раз это казалось ему чудом. Из ничего, из тёмного тепла коровьего живота, появлялось новое существо — мокрое, дрожащее, с огромными глазами. Оно делало первый вдох, и мир становился чуть-чуть больше.

Но сегодня всё пошло не так.

Телёнок родился мёртвым.

Лёша стоял в углу коровника и смотрел, как мать молча заворачивает маленькое тельце в мешковину. Корова мычала — низко, протяжно, страшно. Этот звук проникал под кожу, в кости, в самое сердце.

— Почему? — спросил Лёша, хотя знал, что ответа не будет.

— Бывает, — сказала мать. — Не все рождаются, чтобы жить.

И тогда Лёша подумал о том, о чём никогда раньше не думал. О телятах, которых выращивают на убой. О курицах, которым отрубают головы. О свиньях, которые визжат так, что закладывает уши. Почему мир устроен так, что одни должны умирать, чтобы другие жили? Почему нельзя иначе?

Это был не детский вопрос. Это был первый философский вопрос в его жизни. И ответа на него не было ни в одной книге деревенской библиотеки.

Вечером он спросил у матери про деда.

Они сидели на кухне. Мать штопала носки, Лёша делал вид, что читает, но на самом деле думал. Сёстры ушли к подругам, отец — к соседу, и в доме было тихо.

— Мам, а где дед сейчас?

Мать перестала шить. Подняла голову, посмотрела на Лёшу долгим взглядом.

— На небесах, — сказала она. — У Бога.

— А ты точно знаешь?

— Так батюшка говорит.

— А ты сама?

Мать помолчала. Потом вздохнула и снова взялась за иголку.

— Никто не знает, Лёша. Мы верим. Вера — это когда не знаешь, но всё равно доверяешь.

Лёша кивнул. Но внутри у него что-то сопротивлялось. Вера — это хорошо. Но он хотел знать. Не верить, а знать. Куда ушёл дед? Где он сейчас? Может ли мёртвый телёнок снова стать живым? Или всё исчезает навсегда?

Он вспомнил книгу про чёрные дыры. Информация не исчезает. Она сохраняется. Может быть, и люди не исчезают. Может быть, они просто переходят в другое место, откуда нельзя подать сигнал.

Отец вернулся поздно. Трезвый, но хмурый. Он сел за стол, налил себе чаю и долго смотрел на Лёшу.

— Мне сосед сказал, что тебя опять мальчишки задирали, — сказал он. — Ты им что, даже не ответил?

Лёша сжался. Он знал, к чему идёт разговор.

— Я не хотел драться, — сказал он тихо.

— Не хотел? — отец хлопнул ладонью по столу. — А чего ты хотел? Чтобы они тебя и дальше унижали? Ты мужик или кто?

Лёша молчал.

— Завтра пойдёшь и дашь сдачи, — продолжал отец. — Иначе я сам тебя научу. Понял?

— Понял, — сказал Лёша.

Но он не понял. Он не понимал, почему нужно бить, чтобы тебя уважали. Почему сила — это единственный способ доказать, что ты прав. Почему отец не может принять его таким, какой он есть.

Ночью, лёжа в кровати, Лёша долго думал об этом. Он представил, как завтра подойдёт к обидчикам и скажет: «Я не буду с вами драться. Это бессмысленно. Давайте лучше поговорим». И они, конечно, засмеются. Может, ударят. Но он не ударит в ответ. Не потому что боится. А потому что так нельзя.

Где-то глубоко внутри он знал: драка — это ошибка. Системная ошибка. Вирус в программе. Если ты бьёшь в ответ, ты становишься частью того же вируса. Ты заражаешься. Ты начинаешь верить, что сила решает всё.

А сила не решает. Сила только разрушает.

В ту ночь ему снова приснился сон.

На этот раз он был ярче и страшнее. Лёша стоял в огромном зале. Стены зала были сделаны из книг — миллионы, миллиарды книг, от пола до потолка. Каждая книга светилась изнутри мягким золотым светом. Лёша подошёл к одной, открыл.

На странице была его жизнь.

Он видел себя младенцем на руках у матери. Видел, как делает первые шаги. Как читает первую книгу. Как стоит у гроба деда. Всё было записано. Каждая мысль, каждое слово, каждое чувство.

Он открыл другую книгу — там была жизнь его матери. Третью — жизнь отца. Четвёртую — жизнь мёртвого телёнка.

И вдруг он понял: это библиотека душ. Хранилище информации. Здесь ничего не пропадает. Здесь нет смерти. Есть только записи. И каждая запись вечна.

— Ты понял? — спросил голос.

Лёша обернулся. Рядом стоял дед. Не старый, не больной — молодой, сильный, с теми же голубыми глазами, что у Лёши.

— Дед? — прошептал Лёша.

— Это всё не исчезает, Лёшка. — Дед обвёл рукой зал. — Мы просто думаем, что умираем. А на самом деле мы просто возвращаемся сюда. Это наш дом.

— А зачем мы тогда уходим? — спросил Лёша. — Зачем рождаемся там, в деревне, среди коров и драк?

Дед улыбнулся.

— Чтобы научиться. Там — школа. Здесь — каникулы. Но каникулы не могут длиться вечно. Нужно возвращаться в школу, пока не сдашь экзамен.

— Какой экзамен?

— Понять, зачем ты живёшь. И выбрать, кем ты будешь.

Лёша хотел спросить ещё что-то, но сон начал таять. Зал поплыл, книги слились в одно золотое море, и голос деда затих где-то далеко.

Утром он проснулся с чувством, которое не мог описать.

Как будто он только что узнал что-то очень важное, но забыл. Остался только след, как от пролетевшего самолёта в небе. Белая полоса на голубом.

Он встал, оделся, вышел на крыльцо.

Солнце только поднималось над лесом. Небо было чистым, морозным, звенящим. Где-то мычали коровы. Где-то кричали петухи. Деревня просыпалась.

А Лёша стоял и смотрел на восток, где небо становилось розовым, а потом золотым. И вдруг он понял: свет — это не просто свет. Свет — это инструмент. Он переносит информацию. Он соединяет миры. Он — мост между тем, что здесь, и тем, что там.

Когда-нибудь, подумал Лёша, люди научатся читать этот свет. И тогда мы узнаем всё.

А пока ему одиннадцать. И впереди — целая жизнь. Трудная, страшная, непонятная. Но теперь он знал: это не навсегда. Это только глава в книге. Одна из многих.

Часть 3

Школа встретила Лёшу шумом и толкотнёй.

Это было длинное одноэтажное здание с облупленной штукатуркой и мутными окнами. Внутри пахло мелом, сыростью и чем-то кислым — не то щами из столовой, не то потом переодетых после физкультуры тел. На стенах висели плакаты: «Учиться, учиться и учиться», «Скажи наркотикам нет», «Космос — наша гордость». Последний Лёша любил больше всего. На нём была нарисована ракета, улетающая в звёздное небо, и космонавт в скафандре махал рукой.

Класс гудел. Три ряда парт, пятнадцать человек. Деревенские дети — шумные, грубоватые, привыкшие к труду и скуке. Они не любили школу, но ходили, потому что родители заставляли. Учились кто как: одни — чтобы вырваться в город, другие — чтобы отсидеться до армии, третьи — просто потому что так надо.

Лёша сидел на последней парте у окна. Он всегда выбирал это место. Отсюда был виден кусок неба и старая берёза, которая росла у забора. Когда урок становился совсем скучным, Лёша смотрел на берёзу и думал. О чёрных дырах. О свете. О том, что приснилось ему прошлой ночью.

Сегодня он думал о библиотеке душ.

Он помнил сон урывками: огромный зал, книги, которые светятся, дед, который говорит, что смерти нет. Днём это казалось просто фантазией. Но внутри осталось чувство, похожее на занозу. Что-то застряло. Что-то не отпускало.

— Лебедев! — голос учительницы выдернул его из размышлений.

Лёша вздрогнул. У доски стояла Марья Ивановна — пожилая, с пучком седых волос и усталыми глазами. Она вела литературу и не любила, когда ученики витали в облаках.

— Ты меня слышишь?

— Да, — сказал Лёша.

— Тогда повтори, что я сейчас сказала.

В классе засмеялись. Лёша молчал. Он действительно не слышал.

— Садись, Лебедев. И в следующий раз не считай ворон на уроке.

Он сел. С задней парты кто-то кинул в него скомканной бумажкой. Лёша не обернулся. Он знал, кто это — Серёга Круглов, крупный, рыжий, вечно ищущий повод для насмешки. Серёга не был злым по-настоящему, но ему нужно было перед кем-то самоутвердиться. Лёша подходил идеально: тихий, шуплый, без ответной агрессии.

На перемене Серёга подошёл сам.

— Лебедев, ты чего такой умный? Всё читаешь, читаешь... Хочешь в город уехать?

Лёша пожал плечами.

— Я просто люблю читать.

— Любишь читать? — Серёга хмыкнул. — А драться любишь?

Рядом уже стояли двое его приятелей. Они ухмылялись.

— Нет, — сказал Лёша. — Не люблю.

— А придётся.

И Серёга толкнул его в плечо.

Лёша отступил на шаг. Сердце забилось быстро-быстро. Он знал этот момент. Сейчас либо ударят, либо нет. Либо он ответит, либо нет.

Он не ответил.

— Трус, — сказал Серёга. — Скучный ты, Лебедев. Даже побить тебя неинтересно.

Они ушли, смеясь. Лёша остался стоять у стены, сжимая кулаки в карманах. Ему было обидно. Обидно до слёз. Но он знал: если бы он ударил, стало бы только хуже. Может, не сегодня — но завтра, послезавтра, через год. Насилие порождает насилие. Драка не решает ничего.

Он вытер глаза рукавом и пошёл в класс.

После школы он снова пошёл к деду.

Кладбище было пустым и тихим. Снег ещё не выпал, но земля уже замёрзла. Лёша сел на скамейку, посмотрел на фотографию под стеклом. Дед смотрел на него спокойно и мудро.

— Дед, — сказал Лёша тихо. — Мне приснился сон. Будто ты мне сказал, что смерти нет. Что мы просто возвращаемся в библиотеку. Это правда?

Ветер качнул ветку берёзы. Снег посыпался с неё белой пылью.

— Если правда, — продолжал Лёша, — то зачем мы здесь? Зачем вообще жить, если можно просто быть там, в тепле и свете? Почему нельзя сразу?

Тишина.

— Мама говорит, что ты у Бога. Но я не знаю, кто такой Бог. Может, Бог — это и есть та библиотека? Может, Бог — это все мы вместе?

Он замолчал. Ему вдруг стало холодно. Не снаружи — внутри. Как будто он подошёл к краю чего-то огромного и заглянул вниз.

— Я боюсь, дед. Боюсь драк. Боюсь темноты. Боюсь, что всё это — просто случайность, и нет никакого смысла. Но если смысла нет, то зачем тогда читать? Зачем думать? Зачем вообще вставать по утрам?

Он закрыл глаза.

И вдруг почувствовал — не услышал, а именно почувствовал — ответ. Не словами. Скорее, образом. Как будто кто-то положил ему на плечо тёплую руку.

«Ты всё поймёшь. Но не сейчас. Сначала нужно прожить. Нужно увидеть. Нужно запомнить».

Лёша открыл глаза. Вокруг по-прежнему было пусто. Только кладбище, снег и серое небо. Но чувство осталось.

Вечером он сидел на ферме.

Коровы уже спали. Телёнок, родившийся неделю назад, лежал на соломе, поджав ноги. Он был живой, тёплый, дышал часто-часто. Лёша смотрел на него и думал: вот, этот телёнок не знает, что он — телёнок. Он просто живёт. Просто дышит. Просто есть. Может быть, в этом и есть смысл? Не в том, чтобы понять, а в том, чтобы быть?

Но тогда зачем ему, Лёше, дано думать? Зачем дано задавать вопросы? Почему он не может просто есть, спать и не думать о чёрных дырах?

Ответа не было. Но сам вопрос уже казался важным.

Он вышел на улицу. Над фермой висело небо — огромное, звёздное, бесконечное. Лёша запрокинул голову и стал смотреть.

Где-то там, в центре Млечного Пути, пряталась чёрная дыра. Она была огромной — в миллионы раз тяжелее Солнца. Она затягивала в себя газ, пыль, целые звёзды. И никто не знал, что происходит внутри.

Лёша вдруг подумал: а что, если чёрная дыра — это не конец? Что, если это — начало? Может быть, там, за горизонтом событий, рождаются новые вселенные? Может быть, каждая чёрная дыра — это чей-то Большой взрыв?

Он не знал, что через много лет учёные будут спорить об этом. Что кто-то скажет: информация не исчезает, она записывается на поверхности горизонта. Что кто-то добавит: чёрные дыры — это порталы в другие измерения.

Но сейчас, в одиннадцать лет, он чувствовал это интуитивно.

Смерть — это горизонт событий. Ты не можешь увидеть, что за ним. Но это не значит, что там ничего нет.

Ночью ему приснился третий сон.

На этот раз он был страшным.

Лёша стоял на поле. Поле было огромным, как степь, и на нём лежали люди. Много людей — сотни, тысячи, миллионы. Они не двигались. Они были мёртвыми.

Лёша шёл между ними и не мог понять, что случилось. Война? Болезнь? Голод?

И вдруг он услышал голос — не деда, не матери, а какой-то другой, металлический, холодный:

«Это цена. Цена, которую вы платите за то, что не умеете договариваться».

Лёша проснулся в холодном поту.

Он сел на кровати и долго сидел, глядя в темноту. Сердце колотилось. В висках стучало. Война.

Он знал это слово. Знал из книг, из фильмов, из рассказов взрослых. Но сейчас он впервые почувствовал, что это такое. Не просто слово. Реальность. Огромная, бессмысленная реальность, которая пожирает людей, как чёрная дыра — свет.

И тогда он задал вопрос, который станет главным в его жизни:

«Почему? Почему люди убивают друг друга, если можно просто договориться?»

Ответа не было. Но он решил: когда вырастет, он обязательно найдёт этот ответ. Или умрёт, пытаясь.

На следующее утро он пошёл в библиотеку раньше обычного.

Тётя Вера, библиотекаря, была на месте. Она сидела за столом, перебирая старые карточки, и не сразу заметила Лёшу.

— Ты сегодня рано, — сказала она, подняв голову. — Что, не спится?

— Не спится, — сказал Лёша.

Он прошёл к дальнему стеллажу, где лежали книги по астрономии. Взял ту самую, без обложки, и сел за стол. Он уже знал почти всё, что в ней было написано, но ему нужно было перечитать.

«...чёрная дыра — это область пространства, в которой гравитация настолько сильна, что даже свет не может её покинуть. Горизонт событий — это точка невозврата».

Лёша оторвался от книги и посмотрел в окно. За окном падал снег — первый снег в этом году. Крупные белые хлопья медленно опускались на землю, укрывая грязь и мусор.

Снег был похож на свет. Тихий, чистый, неизбежный.

Он закрыл книгу и подумал: «Однажды я узнаю. Однажды я пойму».

Часть 4

Снег шёл весь день.

К вечеру деревня стала белой и тихой, как будто кто-то накрыл её ватным одеялом. Скрип шагов, лай собак, мычание коров — всё звучало приглушённо, мягко, почти нежно. Лёша любил снег. Под снегом даже грязь казалась чистой. Даже старые покосившиеся заборы выглядели уютно, как на новогодней открытке.

Он сидел у окна и смотрел, как падают хлопья. В доме было тихо: сёстры ушли к подругам, мать хлопотала на кухне, отец спал после смены. Лёша мог бы почитать, но не хотелось. Он просто смотрел и думал.

Думал о том, что сказал ему дед во сне. «Там — школа. Здесь — каникулы». Если это правда, то получается, что вся его жизнь — деревня, коровы, драки, школа — это что-то вроде тренировочного лагеря. Он здесь, чтобы научиться. Но чему? Драться он не умеет и не хочет. Работать на ферме — пожалуйста, но разве этому нужно учиться целую жизнь? Книги? Да, книги он любил. Но неужели всё ради того, чтобы прочитать несколько старых томов в деревенской библиотеке?

Нет. Что-то ещё.

Он чувствовал это смутно, как звук далёкого колокола. Что-то, что он должен понять. Что-то, что нельзя прочитать — только прожить.

На следующее утро случилось то, чего Лёша боялся больше всего.

Отец напился.

Это бывало нечасто — раз в месяц, может, реже. Но когда бывало, дом превращался в минное поле. Отец становился громким, непредсказуемым, обидчивым. Он вспоминал старые обиды, говорил о том, как жизнь не удалась, и искал виноватых. Чаще всего виноватым оказывался Лёша.

В то утро отец сидел на кухне. На столе стояла початая бутылка — дешёвая водка, которую он покупал у соседа. Глаза у отца были мутные, движения — резкие.

— А, академик проснулся, — сказал он, увидев Лёшу. — Ну иди сюда. Поговорим.

Лёша замер в дверях.

— Иди, не бойся. Я ж тебя не бью. Я ж тебя только учу. А учить надо. Ты ж у меня не мужик растёшь, а непонятно что.

— Пап, я...

— Молчи! — отец стукнул кулаком по столу. — Я знаю, что ты скажешь. Что драться — это плохо. Что нужно думать головой. А ты знаешь, что я тебе скажу? Головой думают те, у кого деньги есть. У кого власть. А у нас с тобой ни денег, ни власти. У нас только руки. И если ты руками не умеешь, тебя сожрут. Понял? Сожрут, как телёнка того.

Он замолчал и уставился в стол. Лёша стоял, не шевелясь.

— Я не хочу, чтобы меня жрали, — сказал он тихо. — Но и жрать других не хочу.

Отец поднял голову. В его глазах что-то мелькнуло — не то удивление, не то обида.

— Дурак ты, — сказал он. — Ничего ты не понимаешь.

— Может, и дурак, — сказал Лёша. — Но я так чувствую.

Отец махнул рукой и отвернулся. Разговор был окончен.

Лёша вышел на крыльцо. Его трясло — не от холода, а от напряжения. Он впервые сказал отцу то, что думал. Не просто промолчал, не просто ушёл, а сказал. И это было страшно. Но и освобождающе.

После этого случая Лёша стал чаще ходить в библиотеку.

Она стала его убежищем — единственным местом, где никто не кричал, не требовал, не оценивал. Тётя Вера, библиотекарьша, привыкла к нему и уже не спрашивала, зачем он приходит. Просто кивала и возвращалась к своим карточкам.

Однажды она сама подошла к нему.

— Лёша, — сказала она, — ты всё астрономию читаешь?

— Да, — сказал он.

— А почему?

Лёша задумался. Почему? Можно было сказать: «Интересно». Или: «Там красивые картинки». Но он решил сказать правду.

— Я хочу понять, — сказал он, — что там, за звёздами. И что там, после смерти.

Тётя Вера внимательно посмотрела на него. Она была старой, но глаза у неё были живые, цепкие.

— После смерти? — переспросила она. — А ты разве веришь, что там что-то есть?

— Не знаю. Но я думаю, что информация не исчезает. Даже свет не исчезает, он просто уходит за горизонт. Может, и люди так же.

Тётя Вера усмехнулась.

— Станный ты мальчик, Лёша. Очень странный. Подожди-ка.

Она ушла в подсобку и вернулась через минуту. В руках у неё была книга — маленькая, в тёмном переплёте, без названия на обложке.

— Вот, — сказала она, протягивая книгу. — Это не наше, это моё личное. Здесь про то, о чём ты спрашиваешь. Не вся правда, но... направление. Возьми. Только никому не показывай.

Лёша осторожно взял книгу. Она была старой, страницы пахли временем и чем-то сладким — не то ладаном, не то сухими травами.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Иди. И помни: не все книги в каталоге.

Дома он открыл книгу только поздно вечером, когда все легли спать.

Она называлась «О природе света и тени». Автор был неизвестен — на титульном листе стояли только инициалы: А.К.

Лёша начал читать.

«Свет есть первозданная субстанция, из которой соткано всё сущее. Он не просто освещает — он переносит смысл. Фотон не имеет массы покоя, а значит, он не принадлежит миру вещей. Он — посланник иного порядка, связующее звено между явленным и неявленным. Древние знали это и называли свет "одеждой Бога"».

Лёша перевернул страницу.

«Человек есть приёмник света. Его сознание — не продукт мозга, а скорее линза, фокусирующая то, что уже существует в иных измерениях. Смерть — это не уничтожение, а расфокусировка. Линза убирается, и сознание возвращается в исходное состояние».

У Лёши перехватило дыхание.

Это было то самое. То, о чём он думал, но не мог выразить словами. Кто-то другой — может, сто лет назад, может, больше — уже думал об этом. И записал.

Он читал дальше, но глаза уже слипались. Он спрятал книгу под подушку и заснул.

В ту ночь ему приснился четвёртый сон.

На этот раз он был взрослым.

Лёша стоял на берегу моря. Море было не синим, не зелёным, а золотым — оно светилось изнутри, как жидкий свет. По небу плыли облака, но не водяные, а какие-то другие — сотканые из звёзд.

Рядом стоял дед. Молодой, сильный, с голубыми глазами.

— Ну вот, — сказал дед. — Ты вырос.

— Где мы? — спросил Лёша.

— Там, куда ты попадёшь после. Это море света. Здесь всё хранится. Видишь?

Дед указал на горизонт. Там, где море встречалось с небом, поднималась огромная башня. Она была сделана из книг — миллиардов книг, светящихся и переливающихся.

— Это библиотека, — сказал дед. — Ты её уже видел. Но тогда ты был маленький. Теперь ты можешь войти.

— А что там?

— Твоя жизнь. Жизни всех, кого ты любил. Жизни всех, кого ты не знал. Ответы на вопросы, которые ты задавал. И на те, которые задать не успел.

Лёша пошёл к башне. Ноги утопали в золотом песке, и каждый шаг отдавался в сердце колоколом.

Но когда он подошёл к двери, она оказалась закрыта.

— Почему? — спросил он.

— Потому что ещё не время, — сказал дед. — Ты ещё жив, Лёшка. Тебе туда рано. Но ты уже знаешь дорогу. Это главное.

— А что мне делать там, в жизни?

— То, что делаешь. Думай. Не дерись. Ищи свет. И помни: всё, что ты делаешь, записывается. Каждая мысль, каждое слово, каждый поступок. Здесь, — дед обвёл рукой горизонт, — ничего не исчезает. Ты сам — книга. Пиши её хорошо.

Лёша хотел спросить ещё что-то, но сон начал таять. Море, башня, дед — всё растворилось в золотом тумане.

Утром он проснулся с чувством, которое не мог описать.

Он лежал и смотрел в потолок. На душе было спокойно. Впервые за долгое время — спокойно. Как будто кто-то ответил на самый главный вопрос, который он ещё не успел задать.

Он встал, оделся и вышел на улицу.

Снег перестал. Солнце поднималось над лесом, и снег искрился так, будто кто-то рассыпал по полю миллион маленьких зеркал. Свет был везде — чистый, холодный, пронзительный.

Лёша стоял и смотрел. И вдруг подумал: свет — это не просто инструмент. Это друг. Он не судит, не бьёт, не кричит. Он просто есть. И он помнит всё.

Лёша улыбнулся и пошёл к ферме.

Впереди был длинный день. Впереди была целая жизнь.

Конец первой главы.

Глава 2. Сон нейросети

Часть 1. Возраст перемен

Четырнадцать лет — это возраст, когда тело предаёт тебя.

Алексей понял это однажды утром, глядя в маленькое зеркало над умывальником. Из зеркала на него смотрел кто-то другой. Не мальчик, но ещё не мужчина. Что-то среднее, неловкое, угловатое. Нос стал длиннее. Челюсть — шире. А кожа... Кожа взбесилась.

Первый прыщ появился в начале мая, прямо на кончике носа. Красный, воспалённый, заметный за километр. Лёша попытался выдавить его — стало только хуже. Через неделю к первому добавились ещё три: на лбу, на подбородке и на щеке. Они не проходили. Они цвели, как весенние почки, только некрасивые и болезненные.

Мать сказала: «Это переходный возраст. Пройдёт». Но Лёше от этого легче не становилось. Он смотрел на своё отражение и ненавидел его. Ему казалось, что прыщи видны всем, что они светятся, как лампочки. Что люди на улице смотрят на него и думают: «Фу, какой урод».

В школе он начал сутулиться ещё сильнее, чем раньше. Опускал голову, чтобы спрятать лицо. Отрастил чёлку, которая закрывала лоб. Но чёлка тоже была проблемой: волосы быстро жирнели, и к середине дня он выглядел так, будто не мылся неделю.

Голос тоже сломался.

Это случилось на уроке литературы. Марья Ивановна вызвала его к доске читать отрывок из «Евгения Онегина». Лёша встал, открыл рот — и оттуда вырвался какой-то петушинный крик. Не бас, не тенор, а нечто среднее между скрипом двери и писком комара. Класс замер на секунду — а потом взорвался хохотом.

Серёга Круглов ржал громче всех, откинувшись на стуле и хлопая себя по коленям. Даже Настя Соколова — та самая, с русой косой — улыбнулась. Не зло, но всё равно.

Лёша сел на место и больше не открывал рта до конца урока. Он чувствовал, как горят щёки. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Прямо сквозь пол, сквозь фундамент школы, сквозь всю планету — и вылететь с другой стороны, в космос. Там, в невесомости, никто не смеётся над твоим голосом.

После этого случая он старался говорить как можно меньше. Отвечал односложно. Кивал. Мычал. Дома с ним почти не разговаривали, так что там его молчание не замечали. В школе привыкли. Лёша стал тенью в углу класса — тем, кого можно не замечать.

Но тенью быть тоже больно.

Подростковое одиночество — это особый вид одиночества. Оно не такое, как в детстве. В детстве ты один, но ты ещё не знаешь, что это навсегда. Тебе кажется: завтра что-то изменится, придёт друг, случится чудо. А в четырнадцать ты уже понимаешь: чуда не будет. Ты такой, какой есть, и мир такой, какой есть, и между вами — пропасть.

Лёша чувствовал эту пропасть каждый день.

Он не мог говорить с одноклассниками о том, что ему интересно. О чёрных дырах, о природе света, о книге «О природе света и тени», которую он продолжал читать по ночам. О том, что ему снятся коридоры и монстры, и что он боится спать, но ещё больше боится не спать.

Кому это расскажешь? Серёге? Тот бы покрутил пальцем у виска и дал бы подзатыльник для профилактики. Девчонкам? Они бы хихикали и шептались за спиной. Учителям? У них свои заботы: зарплата, отчёты, свои собственные дети.

Оставалась только библиотека.

Тётя Вера всё так же сидела за столом, перебирая карточки. Она постарела, но, кажется, стала ещё более незаметной — как предмет мебели, который стоит так давно, что его перестали замечать. Лёша иногда думал: если бы тётя Вера исчезла, кто-нибудь бы заметил? Или просто книги стали бы чуть более пыльными?

— Ты опять пришёл, — сказала она, не поднимая головы. — Я уж думала, ты про меня забыл.

— Я не забыл, — сказал Лёша. Голос снова дал петуха, и он сжался.

— Не обращай внимания, — сказала тётя Вера. — У моего сына так же было. Полгода кукарекал, потом стало нормально. Хочешь чаю?

— Хочу, — сказал Лёша удивлённо.

Она встала и пошла в подсобку. Вернулась с двумя кружками и старой жестянкой, в которой лежали сухие травы.

— Это Melissa, — сказала она, заваривая чай прямо в кружке. — Успокаивает. Тебе полезно, я вижу.

— Что вы видите? — спросил Лёша.

— Что ты не спишь. Глаза красные. Кошмары?

Лёша вздрогнул. Откуда она знает?

— Да, — сказал он. — Кошмары.

— Расскажи.

И он рассказал. Про коридор, который засасывает. Про монстров из темноты. Про стул, который вылетел и разбился. Про то, что он пытается проснуться и не может.

Тётя Вера слушала молча, помешивая чай. Когда Лёша закончил, она долго смотрела в окно.

— Это не просто сны, — сказала она наконец.

— А что?

— Не знаю. Но в той книге, что я тебе дала, есть глава про тени. Прочитай её ещё раз. Только не глазами — сердцем.

Лёша кивнул. Он не совсем понял, что значит «читать сердцем», но переспрашивать не стал. Чай был вкусным, с лимонным привкусом и чем-то ещё — не то мятой, не то лавандой.

— Тётя Вера, — сказал он, — а откуда у вас эта книга?

Она усмехнулась.

— Оттуда же, откуда и всё важное. От человека, который уже ушёл. Мой муж, царствие ему небесное, интересовался... скажем так, необычными вещами. Он говорил: «Знание не умирает, оно переходит от одного к другому, как свет от звезды к звезде». Вот я и передаю.

— А что с ним случилось?

— Умер, — просто сказала тётя Вера. — Но я не уверена, что он ушёл навсегда.

Лёша хотел спросить ещё что-то, но в библиотеку вошла женщина с ребёнком, и разговор оборвался.

Часть 2. Настя

Её звали Настя Соколова. Настя. Анастасия. «Воскресшая» — так переводилось её имя с греческого. Лёша узнал это из словаря в библиотеке.

Она не была королевой класса. Королевой была Лена Бородина — громкая, наглая, с ярко-красной помадой, которую она тайком красила в туалете. Лена носила короткие юбки и встречалась то с Серёгой, то с кем-то из старшеклассников. О ней говорили много и грязно, но она от этого только расцветала.

Настя была другой.

Она сидела у окна, на третьем ряду, через две парты от Лёши. Русые волосы, заплетённые в косу, которая всегда была чуть растрёпанной, как будто она забывала её поправить. Серые глаза. Тихий голос. Она редко смеялась, но когда смеялась, Лёше казалось, что в классе зажигается свет.

Он начал замечать её весной восьмого класса. До этого она была просто частью фона — одна из пятнадцати лиц, которые он видел каждый день. Но что-то изменилось. Может, это гормоны? Может, весна? А может, она просто однажды посмотрела на него.

Это случилось на физике. Геннадий Степанович, старый учитель с вечно жёлтыми от табака пальцами, спросил: «Кто знает, чему равна скорость света в вакууме?»

Класс молчал. Все знали, что Геннадий Степанович спрашивает риторически — он сам любил отвечать на свои вопросы. Но Лёша знал ответ. Он прочитал его в книге про чёрные дыры, в той самой, без обложки. И он сказал — тихо, почти шёпотом:

— Триста тысяч километров в секунду.

Геннадий Степанович поправил очки и удивлённо посмотрел на него. Класс обернулся. А Настя... Настя тоже обернулась. И посмотрела на Лёшу. Прямо в глаза. Долго — может, секунды две. А потом улыбнулась краешком губ и отвернулась.

Этих двух секунд хватило.

Лёша потом вспоминал этот момент неделями. Прокручивал в голове, как киноплёнку. Её взгляд. Её улыбку. То, как солнечный луч падал на её волосы и делал их золотыми. Он лежал ночью и смотрел в потолок, а в голове крутилось: «Она посмотрела. Она улыбнулась. Значит, я ей нравлюсь?»

Сейчас, повзрослев, он поймёт: ничего это не значит. Люди смотрят друг на друга постоянно. Улыбаются из вежливости. Обращиваются на шум. Но в четырнадцать лет два коротких взгляда могут построить целую вселенную.

Второй раз она посмотрела на него через неделю.

Была перемена. Лёша стоял у окна в коридоре и читал книгу. Он всегда читал на переменах — так было легче прятаться от шума и чужих глаз. Книга была про космос, но не та самая, а другая, из серии «Я познаю мир». Он перечитывал главу про чёрные дыры в пятый раз.

— Опять читаешь?

Он поднял голову. Рядом стояла Настя. Она ела яблоко и смотрела на него без насмешки, но с любопытством.

— Да, — сказал Лёша и тут же проклял свой голос, который дал петуха на слове «да».

— Что за книга?

— Про космос.

— Интересно?

— Очень.

Она кивнула, откусила ещё яблока и пошла дальше по коридору. Лёша смотрел ей вслед и не мог дышать. Она с ним заговорила. Она. С ним. Заговорила.

Весь оставшийся день он был как в тумане. Он не слышал учителей. Не отвечал на вопросы. На физкультуре его дважды ударили мячом, но он даже не заметил. Он думал только о ней. О том, что она подошла. О том, что она спросила. О том, что у неё на губах был яблочный сок, и это было самым прекрасным зрелищем в его жизни.

Он начал фантазировать.

Это не были фантазии о сексе — этого он ещё не понимал, гормоны только начинали свою работу, и тело отставало от воображения. Его фантазии были другими. Он представлял, как они гуляют вдвоём по замёрзшей реке. Он рассказывает ей про чёрные дыры и теорию относительности. Она слушает, задаёт вопросы, а потом берёт его за руку.

Он представлял, как они сидят на крыльце его дома и смотрят на звёзды. Он показывает ей Млечный Путь и говорит: «Где-то там, в центре, есть огромная чёрная дыра. Она затягивает всё вокруг — даже свет. Но, может быть, это не конец. Может быть, это начало чего-то нового».

И она понимает. Она не смеётся. Она берёт его за руку и говорит: «Ты такой умный, Лёша. Ты не такой, как все».

Эти фантазии были его убежищем. Он уходил в них каждый вечер, лёжа в кровати. Это было лучше, чем сны. В этих фантазиях он был героем. Он был интересным и смелым. Он был тем, кем не мог быть в реальности.

Но реальность всегда настигала.

Однажды он решил написать ей записку.

Это было глупо. Он понимал это даже в тот момент. Но он не мог больше держать всё в себе. Ему казалось: если он не скажет ей, он взорвётся. Как звезда, которая превращается в сверхновую.

Он взял тетрадный листок в клеточку и написал:

«Настя, ты мне нравишься. Очень. Я знаю, что я странный, но... Может, мы могли бы поговорить? Или погулять? Я не знаю. Просто хотел сказать. Лёша».

Он перечитал записку трижды. Она казалась ему одновременно гениальной и ужасной. Он сложил листок вчетверо и положил в карман.

На следующий день он собирался передать ей записку через кого-нибудь. Или положить на парту. Или... Он не знал как. Он никогда этого не делал.

Но судьба распорядилась иначе.

На следующий день Настя не пришла в школу. И через день тоже. Лёша забеспокоился. Он спросил у Лены Бородиной, но та только пожала плечами: «Говорят, переезжает куда-то».

Переезжает.

Через неделю классная руководительница подтвердила: семья Соколовых переезжает в город. Отцу дали работу на заводе. Настя больше не вернётся.

Лёша сидел за партой и смотрел в одну точку. В его кармане лежала записка, которую он так и не передал. Слова, которые он так и не сказал. Любовь, которую он так и не выразил.

Он пришёл домой и долго сидел на кровати, глядя в стену. Потом достал записку, развернул и перечитал. «Ты мне нравишься. Очень». Он усмехнулся. Какая глупость. Какая детская, наивная глупость.

Он разорвал записку на мелкие кусочки и выбросил в окно. Ветром их подхватило и унесло куда-то в поле.

Он ничего не потерял. У него ничего не было. Но пустота внутри стала ещё больше.

Часть 3. Драка

Серёга Круглов не забывал о Лёше.

Он был как охотничий пёс, который чувствует слабого зверя и не может пройти мимо. Ему не нужен был повод. Ему нужна была жертва.

С возрастом Серёга стал только хуже. В четырнадцать лет он уже был выше большинства одноклассников на голову, широкий в плечах, с большими кулаками и маленькими, близко посаженными глазами. Его отец сидел в тюрьме, мать пила. Серёга жил с бабушкой, но бабушка давно махнула на него рукой.

Он был злым не потому что плохим, а потому что жизнь с самого начала ударила его так сильно, что он решил бить первым. И бил. Всех, кто подворачивался. Но Лёша был его любимой мишенью.

Почему — Лёша не понимал. Может, потому что Лёша не давал сдачи. Может, потому что Лёша был странным. Может, потому что Серёга чувствовал в нём что-то, чего сам не имел — и это его бесило.

Издевательства были не каждый день. Иногда Серёга забывал о Лёше на неделю-другую, занятый своими делами. Но потом обязательно возвращался. Плюнуть в спину. Выбить книгу из рук. Толкнуть в коридоре так, чтобы Лёша влетел в стену. Сказать что-нибудь про «академика», «сыча» или «маменькиного сынка».

Лёша терпел. Он научился сжиматься внутри, как пружина. Он говорил себе: «Он просто глупый. Он просто несчастный. Я не буду отвечать. Я выше этого».

Но иногда терпение кончалось.

Это случилось в начале апреля, в восьмом классе.

Снег уже сошёл, и всё вокруг было серым: серое небо, серая грязь, серые лица людей. Настроение у всех было паршивое. Весна ещё не началась по-настоящему, а зима уже кончилась. Промежуток. Ни то ни сё.

Лёша шёл домой после школы. Дорога вела мимо старого гаража, где местные мужики когда-то чинили трактора. Теперь гараж был заброшен — крыша провалилась, ворота заржавели. Лёша обычно обходил это место стороной, но сегодня ему было лень делать крюк.

Их было трое: Серёга, его друг Витька Коротков по кличке Коротыш, и ещё один — Димон, старшеклассник, который остался на второй год и теперь учился с ними. Они стояли у гаража и курили.

— О, академик, — сказал Серёга, заметив Лёшу. — Иди сюда.

Лёша мог бы повернуть. Мог бы убежать. Но что-то внутри него — может, накопившаяся за годы обида, может, злость, которая копилась, как пар в котле, — заставило его остаться.

— Чего тебе? — спросил он.

— Чего мне? — Серёга ухмыльнулся. — Да вот, хотел спросить. Ты всё книжки читаешь? Всё умный? А мамка твоя знает что про тебя говорит?

Лёша напрягся.

— Что говорит?

— Что не мужик ты. Что дохляк. Что лучше бы дочку родила.

Это была неправда. Серёга просто бил наугад, но попал в самое больное. В то, что Лёша слышал от отца. В то, что он сам иногда думал о себе.

И Лёша сорвался.

Он ударил первым.

Кулак встретился с челюстью Серёги, и ощущение было ошеломляющим. Не боль — боль пришла позже. А шок. Лёша никогда раньше не бил человека. Он не знал, что чужая плоть такая твёрдая. Не знал, что удар отдаётся во всё тело, от кисти до плеча. Не знал, что в этот момент в голове становится пусто и горячо.

Серёга пошатнулся. Его глаза на секунду стали удивлёнными, почти детскими. Из разбитой губы потекла кровь. Он потрогал губу пальцами, посмотрел на красное — и его лицо изменилось.

— Ах ты...

Он не договорил. Удар пришёлся Лёше в грудь — сильный, как удар копытом. Лёша отлетел на шаг, но устоял. Второй удар — в лицо. Что-то хрустнуло. Нос? Губа? Он не понял. Он попытался ответить, но его руки были медленными и неумелыми. Серёга дрался с детства, и его кулаки находили цель быстрее, чем Лёша успевал моргнуть.

Третий удар. Четвёртый. Лёша упал в грязь. Он закрыл голову руками, но удары продолжали сыпаться. Коротыш и Димон стояли и смотрели. Им было весело.

— Хватит, — сказал кто-то издалека. — Хватит, Серёга, убьёшь.

Их разнял проходивший мимо тракторист дядя Миша. Он оттащил Серёгу за шкурку, как котёнка, и сказал что-то грубое, матерное. Серёга вырывался и кричал, но дядя Миша был сильнее.

Лёша поднялся сам. Губа была разбита, из носа текла кровь, рубашка порвана и испачкана. Он стоял и смотрел на свои руки, на которых смешалась его кровь и грязь.

Но самое страшное было не это.

Самое страшное было — та секунда, когда он ударил первым. Секунда злости. Чистой, горячей, слепой злости. Он впервые в жизни хотел причинить боль. Не защититься — а ударить. Ранить. Уничтожить.

Это чувство было... приятным? Нет. Но оно было сильным. Оно заполнило его всего, от пяток до макушки. Оно сделало его на миг не жертвой, а хищником.

И это его ужаснуло.

Потому что он понял: он может быть жестоким. Может быть злым. Может быть таким, как Серёга. Как отец. Как все, кто причиняет боль и считает это нормой.

С тех пор он боялся драк ещё сильнее. Не потому что боялся, что его побьют. А потому что боялся, что он сам станет тем, от кого бежал всю жизнь.

Часть 4. Сны

Кошмары усилились в четырнадцать лет.

До этого сны были просто снами — иногда странными, иногда пугающими, но обычными. Можно было проснуться, выдохнуть и сказать себе: «Это просто сон». Можно было забыть их к обеду.

Теперь — нет.

Теперь сны не забывались. Они прилипали к нему, как мокрая одежда. Он просыпался — и помнил. Каждую деталь. Каждый звук. Каждый запах.

И самый страшный из снов был про коридор.

Коридор из его дома.

Обычный коридор — половицы скрипят под ногами, на стенах обои в выцветший цветочек, в конце — дверь в комнату сестёр. Днём этот коридор был самым обычным местом в мире. Лёша проходил его сто раз на дню и не замечал.

Но во сне коридор менялся.

Он становился длиннее. Гораздо длиннее. Дверь в комнату сестёр отодвигалась куда-то вдаль, в темноту, и вместо неё появлялся проём. Чёрный провал, из которого тянуло холодом.

И этот коридор дышал.

Лёша стоял в начале коридора — там, где ещё горел тусклый свет из кухни, — и знал: туда нельзя. Нельзя идти в темноту. Оттуда не возвращаются.

Но у него не было выбора.

Его засасывало.

Медленно, неотвратимо, как вода в слив раковины. Невидимая сила тянула его к чёрному проёму, и сколько бы он ни упирался, сколько бы ни хватался за стены, его ноги скользили по половицам. Он пытался кричать, но голос исчезал. Он открывал рот — и оттуда не выходило ни звука.

А из темноты появлялись они.

Первый раз это была просто тень.

Огромная, бесформенная, она напознала из проёма, как дым. Но дым не может двигаться против сквозняка. А эта тень — могла. Она ползла по стенам, по потолку, по полу — и дышала. Лёша слышал её дыхание: хриплое, влажное, как у больного зверя.

Он закричал — беззвучно. Тень коснулась его ноги — и нога онемела. Стала ледяной и чужой, как будто не принадлежала ему. Лёша дёрнулся изо всех сил — и проснулся.

Нет. Не проснулся.

Это было самое страшное. Обычно во сне, когда происходит что-то ужасное, срабатывает защита — и ты вылетаешь в реальность. Сердце колотится, простыня мокрая от пота, но ты жив. Ты спасён.

У Лёши эта защита сломалась.

Он не просыпался. Он переходил из одного кошмара в другой. Как будто падал в бесконечную яму, где на дне — не смерть, а что-то хуже.

Второй раз из темноты вылетел стул.

Обычный деревенский стул — с гнутой спинкой, с облупившейся краской, точно такой же, как у них на кухне. Он вылетел из чёрного проёма, как снаряд из пушки, и ударился о стену рядом с головой Лёши. Звук был настоящим — громкий, резкий, с хрустом ломающегося дерева. Щепки брызнули в разные стороны.

Лёша закричал — и снова беззвучно.

А из коридора уже летели другие предметы. Книги, которых он никогда не видел. Старая лампа. Чей-то ботинок. Детская игрушка — плюшевый медведь с оторванной головой. Всё это вылетало из темноты, как будто кто-то швырял их с той стороны.

Кто?

Он не знал. Но чувствовал: там, в темноте, кто-то есть. Кто-то, кто смотрит на него. Ждёт. Зовёт.

Третий раз появилась рука.

Огромная, с длинными, неестественно тонкими пальцами, она протянулась через весь коридор — от самого проёма до того места, где стоял Лёша. Она двигалась медленно, почти лениво, как будто знала, что он не убежит.

Лёша пытался бежать. Но ноги не слушались. Он врос в пол, как дерево. Он мог только смотреть.

Рука коснулась его плеча. Хватка была ледяной — не просто холодной, а именно ледяной, как кусок металла на морозе. Пальцы сомкнулись, и Лёша почувствовал, как его тянут. Не тело — что-то другое. Что-то внутри.

Он закричал — впервые за долгое время звук вернулся к нему. Это был не крик, а вой. Протяжный, звериный, полный такого ужаса, какого он не испытывал никогда в реальной жизни.

И — проснулся.

Он сидел на кровати, мокрый от пота, сердце колотилось где-то в горле. За окном было темно. Луна светила сквозь занавески. В соседней комнате храпел отец.

Лёша сидел и боялся пошевелиться. Ему казалось: если он двинется, рука снова появится. Из стены. Из-под кровати. Из его собственной тени.

Он не спал до утра.

Такие сны приходили не каждую ночь. Иногда — раз в неделю. Иногда — чаще. Иногда они отступали на месяц, и Лёша надеялся, что всё кончилось. Но потом коридор возвращался, и снова засасывал его, и снова из темноты появлялись тени, предметы, руки.

Он перестал бояться засыпать. Он начал бояться самой ночи. Когда солнце садилось, его накрывала тревога — липкая, необъяснимая, детская. Он сидел на кровати и оттягивал момент, когда нужно будет лечь и закрыть глаза. Читал до трёх ночи. Иногда засыпал сидя, с книгой в руках, и тогда кошмары были особенно яркими.

Он никому не рассказывал.

Мать бы сказала: «Не ешь на ночь, вот и не будет сниться». Отец бы сказал: «Меньше книжек читаешь — крепче спишь». Сёстры бы засмеяли и начали бы дразнить психом. Фельд-

шер тётя Люба выписала бы успокоительное, от которого хочется спать, но которое не убирает причину.

Он был один.

И тогда он снова открыл книгу «О природе света и тени».

Часть 5. Книга и ответ

Книга была старой. Страницы пожелтели, переплёт потрескался. На титульном листе — только инициалы: А.К. Кто это? Александр? Алексей? Андрей? Неизвестно. Может, автор специально скрыл имя. Может, имя было неважно.

Лёша читал её медленно, возвращаясь к одним и тем же абзацам, перечитывая по три-четыре раза. Книга говорила о вещах, которых не было в школьных учебниках. О природе реальности. О том, что видимый мир — это только оболочка. О том, что сознание — не продукт мозга, а нечто большее.

И о тенях.

Глава о тенях была самой короткой, но самой важной.

«Тьма не есть отсутствие света. Тьма есть свет, который ещё не познан.

Человек боится теней, потому что не узнаёт в них себя. Но тени суть отражения. Враг, что преследует тебя во сне, есть часть тебя самого. Монстр, что рычит из темноты, есть твой собственный страх, которому ты не дал голоса.

Не беги. Спроси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.